

АНГЕЛЫ ПРОЧАС ЗАБЫЛИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

10+

Дмитрий Павлов

Ангелы про нас забыли

«Автор»

2026

Павлов Д. С.

Ангелы про нас забыли / Д. С. Павлов — «Автор», 2026

«Ангелы про нас забыли» - история взросления, в которой провинциальный город становится клеткой, друзья — зеркалами, а любовь — способом увидеть себя настоящего. Максим готов уехать, чтобы начать заново, но одна ночь заставляет его усомниться: можно ли уйти от того, кого встретил слишком поздно — или слишком вовремя?

© Павлов Д. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	10
Глава четвёртая	13
Глава пятая	17
Глава шестая	28
Глава седьмая	33
Глава восьмая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ангелы про нас забыли

Глава

Мы все умрём, все мы, что за цирк! Одно только это должно заставить нас любить друг друга, но не может. Мы напуганы и раздавлены мелочами, ничтожные вещи пожирают нас изнутри.

Чарльз Буковски

Глава первая

Ночью город всегда выглядит привлекательнее. Темнота сглаживает все изъяны, прячет пороки, создаёт иллюзию совершенства и умиротворения. Наполняет обманчивым покоем, усыпляет бдительность, отгораживает от тревог и открывает двери другому разуму, чтобы посмотреть на всё иначе. Фонари молчаливо и послушно освещают пустые улицы, тёплый летний ветер время от времени дарит свои дуновения, напоминая о себе. Небо осыпано мириадами звёзд, и если бы я хоть немного разбирался в астрономии и, в частности, созвездиях, то на сегодняшнем полотне можно было бы отыскать абсолютно любое из всех имеющихся. А украшением всего этого ночного антуража была огромная круглая луна. Я и циркулем бы такую не вывел. От неё исходил разливающийся на полнеба серебряный свет. И даже не гори в городе фонари — лунного освещения определённо хватило бы с лихвой.

Машин, как и людей, на улице уже практически не было: лишь редкие тени проскальзывали по переулкам, равно как и редкие машины ненадолго перебивали тихое пространство шумом моторов. И вновь наступала тишина. Я неспешно затягивался сигаретой на балконе девятиэтажки и пытался запечатлеть всю эту красоту глазами — сделать этакую открытку на память, ведь даже не имел представления о том, когда вновь увижу родной город в подобном ракурсе.

«Везёт же людям, кто живёт на девятом — хоть каждую ночь любуйся».

Дверь балкона за спиной открылась.

— Будь другом, захлопни дверцу, — входя на балкон с двумя стаканами виски, попросил Марик.

Я закрыл за ним дверь и взял протянутый стакан. Он так же, как и я, облокотился на стенку балкона и начал всматриваться в ночную даль.

— Долго ты тут собираешься мысли прочить? Сам себе капканы ставишь. И лучше не сделаешь ни себе, ни кому-то другому, — сказал, как отрезал, Марик.

— Знаю. А вообще просто люблюсь. Хрен знает, когда теперь снова увижу, — ответил я.

— Когда-когда? Скоро! Накосячишь — и депортируют тебя из твоей Норвегии. Да и кому ты там сдался?! — начал ржать Марат.

— Так я и здесь не сильно кому-то сдался. Пора что-то менять. Ты слышал теорию, что без перемен люди раньше стареть начинают? — с улыбкой парировал я.

— Это не про нас! У нас же гимн — «вечно молодой — вечно пьяный»! — всё с тем же задором смеялся Марик.

— Ага, и «вечно похмельный — вечно косячный»! — смеясь, добавил я.

— Давай выпьем! Чтобы наши стремления приводили к успеху! И как бы у тебя там ни сложилось в стране троллей — мы всегда тебя ждём и рады видеть!

— Спасибо, Марик! Мне будет вас не хватать!

Стаканы встретились глухим звоном, и виски обжёг горло, выжигая все сомнения по поводу неминуемо грядущего дня отъезда.

С Маратом мы дружили уже года три. Познакомились, когда я устроился работать к ним на завод почти сразу же после окончания профтехучилища. Он был старше на три года, и, так как нас определили в одну смену, Марат взял надо мной шефство. Сперва общались по заводским делам, потом начали пересекаться на футболе, а потом и вовсе время от времени наведывались друг к другу или катались по барам.

— Пойдём внутрь. Я когда уходил, там Кеда снова байки свои травил, — сказал Марик.

— Снова о том, как старший механик гонял их работой, а они ныкались в слесарке и соображали на троих? А потом зигзагом и гусиным шагом шли доблестно выполнять работу? — не без иронии спросил я.

— Это одна из рядовых баек. Сейчас было что-то новое. Пойдём!

Мы осушили стаканы и зашли внутрь.

Всё празднество выпало на квартиру Егора и Кати. С Егором тоже были знакомы несколько лет по делам футбольным. В отличие от всех нас — любителей — его приглашали в сборную страны, пусть и молодёжную. Но только до сборной он не доехал. Как потом выразился его тренер: «Ты извини, Егор! Забыл тебе передать...». А тренеры сборной, в свою очередь, не приезд Егора посчитали неслыханным хамством и больше приглашений ему не посылали. Так и закончилась его карьера на высшем уровне, даже не успев начаться.

Катя — хранительница очага — вынашивала Егору ребёнка. Весёлая, взбалмошная и страшная в гневе, она была дирижёром оркестра этого дома. Своего рода страж врат — безбилетники и негодяи в их священную обитель и шагу бы не смогли ступить. По крайней мере, чужие для Катюхи безбилетники и негодяи.

— Наплакались там друг другу, мальчишки? — ехидно улыбаясь, спросила Катя, как только мы зашли.

— Катюх! Неси скорее тряпки, а то, кажется, потоки солёных рек вот-вот зальют соседей! — сказал я.

— Ха-ха... Юморок на уровне детсада! А если так, то пиздец вам всем, дружочки! — уже смеясь, но всё так же ехидно заявила Катя.

— Катюнь, да оставь ты им хоть немного уединения! Мужчины находятся в статусе предстоящей разлуки! Один уедет, другой в своих заботах останется. А нам с вами поддерживать обе стороны — слёзки с соплями подтирать и прочие выделения, — с хитрой ухмылкой выдал Слава Кеда.

— Славик, я прям сплю и вижу, как ты свои короткие ручонки протягиваешь, чтобы хоть что-то подтереть из наших выделений. Да и то, боюсь, — хрен дотянешься, — разразился смехом Марик.

Слава Костиенко — он же Слава Кеда — с ним мы дружили с детсадовского горшка и знали друг о друге, пожалуй, всё, что можно знать. Он облысел уже в двадцать — видать, отцовские гены сыграли свою роль. И если Славик и расстроился этому факту, то вида не подавал. С самоиронией и юмором у него было всё в порядке, поэтому когда звучали приколы из разряда «не голова, а коленка» или «если плюхнуть на макушку вазелина, то в любую щель пролезет», Славик отшучивался, что, в отличие от нас, патлачей, он тотально экономит на шампуне и парикмахерской. Роста в нём было немного — хорошо если метр семьдесят. А свою кликуху он получил во дворе ещё юнцом, когда родители без примерки купили ему ярко-оранжевые кеды, которые оказались китайскими маломерками на три размера больше. И как он ни пытался выкрутиться — всё равно пришлось в них ходить. Так и вышло, что при его маленьком росте и визуальном огромных кедах, как у цирковых клоунов, прозвище Кеда намертво приклеилось к юному Славику.

Завалившись в кресло, я расплылся в расслабленной улыбке, глядя, как друзья обоюдно друг друга подкалывают, смеются, чернят на грани фола, громко наперебой травят истории и снова ржут до коликов. Всему этому с колонок подыгрывали старые добрые Aerosmith, Scorpions, Guns N Roses, Radiohead и многие другие крайне уважаемые исполнители. Компания в этот вечер была что надо, и я пытался особенным образом его запомнить.

Глава вторая

Я снова бежал по грязным лабиринтам нескончаемого подвала. Тяжело дыша, во все ноздри втягивая пелену пыли, я бежал в поисках выхода. Сердце колотилось, как мотор на повышенных оборотах, а лёгкие то и дело скручивало спазмами, от чего подкашивались ноги. Стучало в висках, но я вставал и бежал дальше, отталкиваясь руками от грязных кирпичных стен, покрытых вековой паутиной, и старых деревянных дверей, на которых мельком попадали в поле зрения цифры, намазанные запёкшейся старой красной краской.

15, 17, 19, 22...

Чёрные узкие коридоры с множеством дверей и поворотов, с редкими тусклыми моргающими лампочками.

56, 58, 60...

И я всё куда-то бежал, полный уверенности, что меня кто-то или что-то преследует и уже догоняет. Я чувствовал леденящее дыхание за спиной, чувствовал затылком и каждым позвонком. Чувствовал каждой клеткой тела, что стоит ещё раз споткнуться — и Оно точно сцапает меня во мрак, откуда уже не выбраться. Бесконтрольное чувство страха и смертельной опасности.

И вот впереди дверь — последняя дверь. И в голове не остаётся ни единого шанса, что она может оказаться открытой. Хватая ручку и уже пытаясь дёрнуть её на себя — какой-то невероятной силой меня отбрасывает обратно и прижимает к холодному сырому полу. Я даже не успел вскрикнуть — только закрыть глаза.

И тут где-то издалека начала доноситься мелодия телефона. Сердце всё ещё пыталось выскочить из груди, а слух настойчиво цеплялся за источник звука. Не без труда возвращаясь ото сна в реальность, я наконец открыл глаза. Нашупав телефон на столе, махнул по экрану пальцами, чтобы сбросить вызов. Решил, что перезвоню, как только приду в себя. Промаялся. Тем самым вместо сброса принял вызов. Понял это по бормотанию из трубки. Делать нечего — надо хоть глянуть, кто звонит в такую рань, хотя я знать не знал, который час.

— Здорова, Макс! Ну что, опять надрался вчера? — прозвучал в трубке голос Санька.

— И тебе привет, мой ранний друг! Не больше обычного.

— Ты мне скажи — договор уже подписали?

— Пока нет. В понедельник едем к ним в офис, всё подписываем и сразу на паром. Таков уговор.

— У Кости тот же расклад?

— Да, Сань, мы вместе выдвигаемся. Как там у вас обстановка? Много каторги? — поинтересовался я.

— Слушай, по-разному... Бывает, уже в четыре заканчиваем, а бывает, что и до ночи пашем. По-разному, — ответил Санёк.

— Видимо, веселья у вас хоть отбавляй! А мы приедем — так вообще скучать тебе некогда будет.

— И так некогда, — невесело буркнул Санёк.

— Понял тебя. Созвонимся ближе к отплытию тогда. Держи хрен пистолетом, но по викингам в юбках стреляй холостыми! — посмеялся я.

— Счастливо! — ответил Санёк и положил трубку.

«Да уж... Ещё какая-то неделя. Даже меньше. Мне двадцать один — молод, полон сил и надежд, стремлений и веры! В ожидании, что на горизонте засветят новые огни. Жизнь заиграет новыми красками, неизведанные дороги станут изведанными. Воздух свободы и новых открытий! Фьорды, заливы, бесконечные серпантинные дороги и дикие острова. Вершины, где

облака нежно закутывают снежные пики гор в свои объятия, и с утёсов которых падают водопады, разливаясь в реки, а те, в свою очередь, впадают в блестящие воды заливов, омывающие каменистые берега и скалы».

Я уже грезил этими картинками и, закрывая глаза, представлял их как наяву. Но как бы ни хотелось сменить свою обыденную картинку на воображаемые пейзажи — грёбаный телепорт ещё никто не придумал. И, вынужденно открывая глаза, передо мной расстился пейзаж из разбросанных по комнате футболок, груды бутылок на столе, «бабушкиных ковров» на полу и стене и старой секции, по всей видимости, ещё югославских времён. Старая добрая хрущёвская однушка, выдавшая ремонт, скорее всего, только при постройке самого дома.

Но я был рад, потому что лучше крыша над головой, чем путешествия по тропам бездомных. Я, конечно, мог жить с мамой под одной крышей — меня, к слову, никто не выгонял, и с мамой у нас были прекрасные отношения. Но сложилось так, что уже с детства я был часто предоставлен себе: гулял допоздна, рубился ночами в приставку и, становясь старше, малопомалу прикладывался к спиртному и сигаретам. Мама много работала в смены и воспитывала меня одна — старалась успеть всё, но на всё сразу, как известно, времени не хватает.

В общем, я хотел свободы, самостоятельности, жить как нравится и стараться не разочаровывать маму известиями о своих фестивалях, возвращениях домой в пять утра и прочей присущей юношескому максимализму дичью. В этой однушке мне любезно разрешила пожить Катя после того, как умерла жившая здесь ранее её бабушка. Работы у меня были непостоянные — месяц тут, пара там, потом ещё куда-то заносило. Но найти хоть что-то, что стало бы мало-мальски интересно, — не удавалось. Благо, хватало на оплату коммуналки.

Вариант с Норвегией возник случайно, но при этом, как всегда, не без помощи добрых людей. Саня работал там уже почти три месяца, и, так как мы дружили ещё с профтеховских времён, он был в курсе неприглядного положения моих дел. А потому разузнал о вакансиях и спустя некоторое время получил положительный ответ. Я, в свою очередь, недолго раздумывая, согласился — и понеслась колесница звонков, переговоров, сбора документов и прочей бюрократии.

Костян — ещё один мой близкий друг — находился в похожем положении, поэтому я разузнал и по поводу места для него. С Костей мы сдружились на теме хип-хопа и травки: пытались записать альбом, ездили на выступления и колоритно проводили время. Он так же, как и я, был вдохновлён идеей съездить подзаработать жирную котлету денег, вкусить новые горизонты да и просто круто провести время.

После всех договорённостей до отъезда у нас оставалось чуть меньше недели. Документы были на руках — и оставалось только собрать вещи и закупить провизию, так как Санёк сказал, что продукция в местных магазинах сильно отличается от нашей, да и ценники кусаются. «Хуйня», — подумали мы с Костяном и решили затариться непосредственно перед отъездом.

День отъезда был отмечен красным кружком фломастера на календаре — понедельник! Мать его, понедельник! Я бы предпочёл уехать в среду или вторник, или в любой другой день, но точно не в понедельник — так как всё, что начинается с понедельника, как правило, летит к хренам с центробежной силой. Как уверения бросить курить, пить, начать ходить в спортзал, разучить аккорды на гитаре, йогу, отжимания четыре по пятьдесят в день... Ни один сраный понедельник не начинался с праведного расположения духа и его праведных последствий в целом. Но уезжали мы в понедельник.

Весь день поливал дождь, прекращаясь лишь ненадолго — на перезарядку своей стихии. А я так и просидел весь день дома, тупо пялясь в телек.

Глава третья

Как всегда озверевший будильник разорался ровно в семь. Четверг. Последний день на майонезном заводе! Подниматься с постели в последний рабочий день невыносимо. Будто не мелодия будильника, а квартирмейстер стегает тебя плетьюми с ошмётками кожи предыдущего отстёганного во все слуховые аппараты, затылку, спине, пояснице, бокам и естественно жопе... Последний будильник последнего рабочего дня — суший ад, наказание, сухой strapon в заднице, который своей непоколебимой сухостью, как ни крути, заставит тебя подняться с кровати. Таков путь. И чувство ответственности.

Быстро собравшись по инерции, выскакиваю на улицу. Сажусь в любимую карету, на руле которой красуется выразительная буква «Х» — она же Хонда. Но, повернув ключ, не происходит ровно никакой реакции. Пробую снова — хер там. Открываю капот с мыслями там что-то увидеть. Увидел! — спиздили аккумулятор!

Люблю свой город — маленький, неспешный, сонный, полон контрастов, меняющихся в миг. Миг от неспешного до резкого за долю секунды. Людей — одних бегущих на работу, чтобы кормить семьи, и других — с утра начинающих своё прямое выживание посредством продаж украденного за ночь... Пришлось бежать на автобусную остановку. На работу, естественно, опоздал, так как расписание маршруток вообще не совпадало с расписанием моего рабочего графика. Да и расписание приездов на остановку этих самых маршруток с самим расписанием тоже нифига не совпадало.

Вбежав в богадельню, переодевшись в одеяния сия обители, с медузой-чепчиком на бошке...

— Тысяча извинений за опоздание, Лариса Геннадиевна! Произошла крайне неприятная ситуация — у меня машину обокрали. А так как произошло это только сегодня ночью, то и обнаружил я это закономерно утром. Потому и опоздал, — с отдышкой выпалил я.

Мадам, именуемая Ларисой Геннадиевной, как мне показалось, не придавала весомого значения моим словам.

— Максим, вы уж меня извините, пожалуйста, но, говоря откровенно, возникает прямое ощущение, что вы, зная заранее, что мы не подпишем с вами последующий постоянный трудовой договор, намеренно игнорируете последний трудовой день.

Из её уст обвинения в мою сторону выглядели довольно логично, но у меня было совсем не то настроение, чтобы выслушивать всю эту хрень.

— Лариса Геннадиевна, позвольте задать вопрос!? Вот скажите, если вы думаете, что это шутка такая, то по мне сильно заметно, что смешно очень? У меня вскрыли машину и спи... украли аккумулятор! Без обид, но это волнует меня куда больше, чем то, что я опоздал. С расчётом, как вы выразились — намеренно игнорирую — поверьте, если бы я не хотел приезжать, то нашёл бы тысячу причин, чтобы не явиться сюда вовсе. Я опоздал на час, назвал вескую причину, с которой мне ещё предстоит разбираться. Не верите — ваше дело. Не вашу ведь тачку вскрыли.

— Последнее замечание явно лишнее, Максим. Я вам верю, извините. Очень жаль, что так произошло, — попыталась искренне сказать заведующая.

— Ладно. Бумаги о расторжении подпишем сразу или в конце рабочего дня? — угрюмо спросил я.

— Зайдите ко мне после обеда и всё подпишем. Есть идеи, куда отправитесь дальше?

— За границу. Подальше отсюда, — хотел было ещё добавить, что «здесьнего зоопарка мне уже за глаза», но решил не раскачивать лодку.

Последний день, как и ожидалось, тянулся ещё медленнее обычного — порой так и хотелось крикнуть: «Да замените же вы батарейки в часах!», потому что двигаться они никуда не хотели от слова совсем, а если и делали это, то бесконечно медленно. Меня одолевали мысли о случившемся утром — я не мог взять в толк, какая сука могла так беспардонно вскрыть мою старушку?! Я уже давно жил в этом районе и знал всех местных пиратов. Дорогу никому не переходил, с чужими подругами не спал и на коврики никому не гадил. Оттого и свербела мысль: кто же меня так нахлобучил?!

После обеда я подписал все бумаги, все пожелали друг другу успехов в жизни. Мне сказали: «Жаль, что не сошлись характерами», и я отправился работать дальше.

«Характерами не сошлись...» — думал я. — «Да слава всевышнему, что не сошлись, иначе у меня бы появилось абсолютно паршивое мнение о своём характере. При всём том я и сам, конечно, знал, что не подарок, но здешний "дружный" коллектив виделся мне абсолютно двуликим ядовитым террариумом — брызжущим ядом и плюющим желчью».

Стрелки отбили ровно восемь вечера, и я не мешкая отправился в раздевалку. Быстро переодевшись, оставив ключ в замке дверцы некогда своего шкафчика, махнул рукой мужской части коллектива, пожелал удачи и вышел на улицу. По пути на остановку набрал Костю.

— Алё-малё! — раздался весёлый голос Костяна из трубки.

— Здорова! Без прелюдий — случился маленький, но сильно пахнущий хуями инцидент, который мне нужно решить до нашего отъезда. Если подсобишь, то буду признателен!

— Конечно! А что случилось-то? — ответил Костян.

— Аккумуляторы ночью спиздили, — ответил я.

— Обожаю я, Макс, твои приколы, конечно, но, походу, это не один из них. Так, а вскрыли как? Замок сломан?

— Замок в порядке. Как будто родным ключом дверь открыли — ни царапин, ничего. Но это не главное сейчас. Есть мысли, где аккумулятор взять, чтобы без трат на новый?

— Блин, с ходу так тебе не скажу, но подумаю. Может что и подвернётся, — ответил Костя.

— Хорошо. А я пока попробую узнать, кто этот смелый, но не чующий самосохранения гандон.

— Договорились. Держи в курсе! Завтра созвонимся тогда, решим.

— Добро! До завтра, — попрощался я и положил трубку.

Пока ждал маршрутку, позвонил паре знакомым с района, которые, как правило, были осведомлены о том, что делается в нашем небольшом провинциальном городке. Оба сказали, что за вскрытие тачки прошедшей ночью ничего не слышали, но поднимут уши по городу и, если кто-то что-то маякнёт, то мне сразу дадут навигацию.

Подъехала маршрутка. Заплатив монету за проезд, я плюхнулся на сидение в самом хвосте и уткнулся головой в стекло. Карета тронулась. Сопровождением стал гул из-за разбитого подшипника, тихая болтовня женщин, сидящих впереди, радио — шансон водителя... Всё вместе было колыбелью.

Маршрутка ехала, подпрыгивала на кочках, перестраивалась из одного ряда в другой, резко выворачивала к остановкам. Выходили люди, заходили, садились, говорили или улетучивались в арии своей музыки в наушниках после тяжёлого рабочего дня. Ежедневность, цикличность, гонки по кругу, тараканы бега. Кто быстрее, успешнее, красивее, богаче, талантливее. Тачка у кого круче или лужайка зеленее, чем у соседа. Член длиннее или сиськи больше.

Сборище сраных лицемеров, нарциссов и показушников — при свете дня вещающих за здоровый дух, любовь и сострадание, а ночью дрожащих на детское порно. Моралисты-благотетели, блядь. Нужно срочно рвать отсюда когти, иначе и от моей души совсем ничего не останется. И так стал прикладываться к бутылке больше нужного, оправдывая это тем, что

просто хочу скрыться с радаров от этого насквозь прогнившего мира. Вот и сегодня нужно непременно отметить свой побег из террариума, а завтра решать, где раздобыть аккумулятор для своей старушки.

Глава четвёртая

Ночь. Зима. Кругом снежное поле — не видно ни конца, ни края. Скачу я значит верхом на коне. Коню тяжело, конь устал на всех парах мчаться по снежным барханам, но он ещё неплохо держит темп. А мчится конь, потому что следом мчится стая волков. И что-то мне подсказывает, что это не бег на перегонки, а бег ради спасения с нашей стороны и плотного ужина со стороны стаи — ужина в лице коня и меня. Не желая такого расклада, что есть мочи, подгоняю коня — тот молодец, скачет прытко. Явно и сам не хочет быть обглоданным, остаться грудой костей, растворившись на снежной равнине. Да и дома может кобылка с жеребятами ждут. В общем, погоня. Кто быстрее — тот и живее.

Тут я вижу, следом за стаей скачет конница, примерно голов в двадцать. Орут что-то, луками машут. Скачка. Полетели стрелы. Услышал, как зверь из стаи резко и призывисто заскулил. Обернувшись, увидел, что в волка угодила стрела и он выпал из гонки. Стая сменила направление. "Спасение", — подумал я. Подумал, что та дружина на конях хочет нас спасти от волчьей расправы. Я уже начал мысленно благодарить их и заключать в крепкие объятия, а конь в свою очередь сбавляет темп.

Спасение? Не тут-то было! Волков в ночной тьме уже практически не было видно, как рядом с ухом просвистела стрела. Оглянувшись, я увидел, что эта кучка мудей на лошадках нагоняет нас во всю прыть! Орут что-то не членораздельное во всю глотку и тянутся за своими стрелами. А кто-то уже и вовсе натягивает заряженную стрелой тетиву. Какого хрена вообще происходит?! Не решаясь остановиться и полюбезничать с ними на предмет их целеустремлённой охоты на меня, я снова кочегарю коня, чтобы он почувствовал себя вольным мустангом и нёсся, как ветер по степным лугам. Скачка, погоня, летящие стрелы и крики в спину.

В ночной мгле, вдалеке, как светлячки в ночном покрове, начали смутно виднеться жёлтые точки на горизонте. По мере приближения точки стали походить на факелы. Что ещё за средневековье, нахрен?! Я уже начал различать ворота и стены замка... Ворота начали открываться. "Спасение!" — в очередной раз подумал я. И стоило мне только об этом подумать, как одна из летящих стрел угодила в коня. Его подкосило, и мы рухнули в снег. Конь тяжело дышал. Из ноздрей струился пар, а в его чёрных глазах блестели слёзы. Он всё понимал. Понимал больше меня. Знал свой исход.

Я с трудом выбрался из-под него и, не успев подняться, увидел, что эти умелые охотники — племя, шайка, коалиция, бродячие головорезы или инквизиция в мехах, шкурах, рваных тряпках — как стервятники кружились надо мной, видя раненую добычу, которая теперь уже точно от них никуда не денется. Они наворачивали круги, о чём-то переговаривались, смеялись; в глазах читалось самодовольство. А как иначе? Они вышли на охоту и уже не вернутся с пустыми руками. А я всё барахтался в снегу, пытаюсь нащупать под собой почву, пытаюсь подняться и не упустить из вида всё происходящее. Смотрел на них, пытаюсь что-то предугадать.

Тут один из них что-то сказал другому. Тот другой ехидно ухмыльнулся и запустил пальцы в колчан. Вынул стрелу, натянул тетиву, прицелился, всё так же ухмыляясь... Ночь, зима, снежная степь, отблески факелов нерушимых стен цитадели, чёрные слезящиеся глаза некогда прыткого скакуна... И ветер вдруг затих. Ну, не промахнись, Акелла!

И снова мокрая подушка, мокрая от пота простыня. Проснулся, будто кто-то крепко встряхнул. А за секунду до этого был выстрел. В комнате душно, тяжело дышать. Наше лето не всегда так жарит, но сегодня казалось, что плавятся стены, сползают от температуры обои, сползает кожа, сползает по столу стакан, как часы Дали. Да и часы на стене тоже сползают. Сползает гравитация, сползают все мечты и планы, лица, воспоминания. Сползает сам день и плавит широкую сковородку, на которой я стану главным и единственным оплавленным

блюдом. Без специй, без прикрас, посуды, без сладкоголосых нимбов, без столовых приборов, поклонов и оваций. Сползёт в урну, как сползает всё просроченное.

Что ж, оставалось каких-то три дня. Обратный отсчёт в деле, дел осталось немного, а я ещё держусь в седле — тот ещё каламбурчик, учитывая сон ушедшей ночи. Забавляясь этой мыслью, заварил кофе и, раздвинув плотные шторы, чуть не ослеп. За окном был одиннадцатый час утра, на градуснике +27, на небе ни облачка, а солнце, казалось, было везде и повсюду. Пробиралось в каждую трещинку этого города. Серые дома уже не выглядели серыми, чёрт, даже асфальт не выглядел серым. Люди уже не выглядели ходячими мертвецами.

Такие погоды, как песни Боба Марли, заставляют растягиваться лицо в довольной улыбке и мурчать от наслаждения. Если, конечно, ты не асфальтоукладчик или повар на кухне без кондиционера. И все мои бессонницы или бред, снявшийся в дремоте, все тревоги и внутреннее напряжение — как рукой сняло. Высунувшись из окна с дымящейся сигаретой, я смотрел на довольных людей — на девчонок в коротеньких джинсовых шортиках, облегающих майках, открытых туфлях, которые практически не оставляли места для воображения. Мамочки в полупрозрачных шифоновых платьях, которые спешат со своей мелюзгой в магазин за мороженым и лимонадом из холодильника. Красота! Глаза радуются! И я — небритый, высунувшийся с первого этажа обшарпанного здания хрущёвки, в помятой старой майке в винных пятнах — курил, прихлёбывал кофе, щурился от солнца и улыбался, как мартовский кот, почти урча. Роскошное выдалось утро!

Закончив утренние процедуры, пора было заняться делом. Набрал Косте.

— У аппарата! — бодро отозвался Костян.

— Приветствую твой аппарат! Как дела? Есть чем порадовать? — поинтересовался я.

— Слухай, да походу нечем. Есть один аккумулятор, но он уже года два, как в гараже валяется.

— Да уж, такой уже только в пункт приёма. Но спасибо за старания. Кстати, какие планы на день?

— Да никаких особо.

Через час мы встретились в городе.

— Не нашёл, кто это сделал? — спросил Костян.

— К его счастью и моему сожалению — нет. Иначе развальцовка жопы была бы обеспечена. Парни, кому звонил, тоже ничем не помогли. Но я не думаю, что это залётные. Точно кто-то из местных. А кого трясти — даже не знаю, да и времени не остаётся. В общем, надо за новым идти — других вариантов особо нет. Ну или мы поедem в салон, ты купишь новенькую карету и на ней мы умчимся любоваться норвежскими видами и тискать лосось за жабры на фабрике! — смеясь, заключил я.

— Не, братан, сперва тискать лосося будем, а уже потом я карету прикуплю на привезённую котлету бабла. Так что пойдём за аккумулятором. Но сперва за пивком, а то пекло такое, жажда... Нельзя мучить организм, не по-христиански это! — посмеялся Костян.

— Аминь!

Сперва зашли за пивом, потом добрались до авто-магазина. Подобрали аккумулятор, я расплатился. До машины идти километра полтора. Плюс двадцать семь на термометре. Ощущение, что плавится асфальт. Или подошва по раскалённому асфальту. Первые полкилометра идти было сносно, перекидывая этот "утюг" из одной руки в другую. Дальше стало сложнее. Пот струился со всех щелей. Солнце жарило беспощадно, а аккумулятор, сука, становился всё увесистее.

— Погодь, Костян, перекур, заебался я... — выдал я на выдохе и поставил "утюг" у ног.

— Кури спокойно и держи холодного, а я понесу. — сказал Костян.

— Ты настоящий друг, Костян! И истинный христианин! Наступит день, и за деяния твои будешь вознаграждён нежными руками монахини! Может и не только руками.

Так мы дошли до машины. Я вытащил небольшой набор инструментов из багажника. Пока крепил клеммы на аккумулятор, Костян задумчиво расхаживал вокруг машины и всматривался в дверные замки.

Тем временем я закончил с установкой.

— Дай отвёртку минусовку, — сказал Костян. — Среднюю.

— Держи.

— Закрой тачку с ключа, — продолжил свою идею Костян.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой господин! — улыбаясь, ответил я и закрыл машину, ожидая продолжения.

Костян, нагнувшись, всматривался в центральный замок на водительской двери. Потом аккуратно вставил отвёртку в замок... И лёгким поворотом отвёртки — все двери открылись.

— Так просто?! Хуясе! — только и сказал Костя.

Вечером позвонил Марик.

— Я сейчас с работы выезжать буду, так что собирайся. Я тебя захвачу и поедем в клуб. — без прелюдий заявил Марат.

— Не-не-не! Я уже задвинул шторы, включил порно, поплевал на руки и собираюсь бревном лежать на кровати. Так что иди в жопу, Марик.

— Да ты и так бревно! Поэтому поднимай жопу и собирайся. Буду через двадцать минут!

— А поломаться?! Я девушка приличная!

— В тебе приличия, как в обезьяне грации! — заржал Марик.

— Недооцениваешь ты, друг мой, братьев наших меньших! Ты видел, как грациозно они на великах катаются? Или как сидят в платьях, закинув ногу на ногу, и грациозно пьют из чашек каркаде, отгибая мизинчик! Ну или...

— Собирайся, давай, пиздабол сказочный! — гаркнул в трубку Марик и кинул трубку.

Блядь, никакого покоя и уединения. Ведь знает же, что не компанейский я человек. Ну, по крайней мере, вне круга своей компании. Да и клубы не моё — музыка орёт, общаться приходится только криком в ухо, забрызгивая собеседника слюнями. А потом он тебя. Этаким слюнявый диалог с мокрыми ушами на финише. К танцполу я тоже обычно не приближался, ибо умения танцевать во мне было, как, и сказал Марик, — как в обезьяне грации. Поэтому моей как правило стандартной локацией была барная стойка. Ну или диван у столика. Ещё я не питал большой любви к клубам по той причине, что редкие ночи заканчивались без потасовок. Разгорячённые пьяные альфа-самцы, чей тестостерон так и рвётся наружу — им нужно быть доминантами, нужно быть сверху! Но главная беда, что они просто не умеют отдыхать и расслабляться. Сплошные понты и походки в стиле Роя Джонса. Да и моя компания всегда была горяча и частенько не церемонилась. Я брал на себя роль разводить зачинщиков по разным сторонам. Не сторонник я мордобоя — я за диалог. Но получалось естественно не всегда удачно. Поэтому были то изящные сияющие фингалы, то разбитые костяшки кулаков, а иногда и то и другое.

Мы заехали к Марику. Пока он пошёл плескаться в душ после работы со своими резиновыми утятами — я залез в холодильник. Нашёл вискарь. Налил, включил музыку. Опустошив стакан, думал о том, что совсем не хотел никуда ехать, но не смог отказать Марату просто потому, что он хотел выдернуть меня перед отъездом. И пожалуй даже больше — выдернуть меня из моего же заточения.

— Нормально он без меня вискарь сидит глушит! — выйдя из душа заявил Марат.

— Это чтобы ты мне красивше казался! Я даже уже вижу изменения! Может, мы и поладим сегодня ночью! — начал смеяться я.

— Да у тебя просто со зрением беда, как и с головой! Налей мне тоже стаканчик. Я через час таксишку вызову и поедем. Так что давай веселей! Девчонок сегодня будет много!

— Как скажешь, командир.

Глава пятая

Клуб, как и всегда, извергал музыку громким гремящим басом, диско-шар давал скудное подобие атмосферы на танцполе. Три молодые девки пытались отработать, видимо, какой-то синхронный танец перед зеркальной стенкой. Выглядело криво. Будто обезьянки извиваются за иллюзорные пару бананов. Ну да ладно, наверно больше репетировать негде. Или подхватили что-то заразное. Но надеюсь, это обратимо и не передаётся воздушно-капельным.

До этого, на входе, охрана нас встретила взглядами, будто уже предвкушала, как выбьют из нас всё дерьмо за малейший прокол, и бегущей строкой на лбу широкоплечего быка кричало: «Я за тобой слежу! Не вздумай рыпаться!». Ребята явно знали своё дело. Ну или просто выглядели грозно. В общем, проверять особого энтузиазма не было. А Марику и вовсе было похрен. Он был заряжен на танцы, нацелен на девчонок и выглядел так, будто у него точно есть для этого козыри. И, зная его умение ладить с дамами, — в его козырях я не сомневался.

Продвигаясь к барной стойке, Марик встретил знакомых. Все перездоровались, обменялись рукопожатиями — Марик подзавис с ними, что-то обсудить, а я двинулся дальше к ритуальному месту силы и алкогольному забвению, где патриархатом и мессией был его величество бармен. Народу было довольно много, и, продвигаясь к своей цели, я обращал внимание лишь на то, чтобы не наступить кому на ногу и не впечататься плечом. Не конфликтное было настроение. Оставалась пара метров до апостола с пойлом, как меня тронули за плечо.

Обернувшись, увидел знакомую. Лицо узнал сразу, имя — парой секундами позже.

— Каким ветром занесло? — Прильнув губами к моему уху, спросила Аля.

— Знать бы самому, как занесло, — ответил я, стараясь сдержать слюнявое разбрызгивание.

— Завязали глаза и привезли сюда?

— Да! Ещё кляп в рот и дилдо в жопу! Так и привезли в багажнике, не спрашивая разрешения!

— Это очень мило! Богатая жизнь на события! — начала заливаться смехом Аля.

— Я рад, что тебя это забавляет! Могу я угостить тебя коктейлем, ну или что у тебя сегодня в рационе? — Всё так же почти крича в ухо, спросил я.

— Извини. Сегодня я не одна, и мне уже пора. — И, взмахнув рукой, она растворилась в толпе.

Она была в чёрном облегающем платье чуть выше колен, глубокое декольте, туфли на высоком каблуке. Платье подчёркивало изящную фигуру, а туфли, в свою очередь, — стройные ноги. Волосы с бронзовым отливом нежно окутывали плечи. Выглядела она шикарно и соблазнительно.

— Адьос, сеньорита! — улыбнулся я и отправился дальше к барному «Эвересту».

Взяв виски и стаканчик колы, я нашёл местечко для отличного обзора за всем происходящим. Барная стойка была мала — можно сказать, её не было вовсе, поэтому я примостился в другом месте, где было посвободнее. Это вроде как тоже была стойка, ну или столешница. Главное — места хватало. С неё был хороший вид на весь танцпол и все окружающие танцпол столики. Идеальное место для охранников — сверлить всех взглядом и следить за порядком. Но они кружили у входа, выбрали не ту позицию. Поэтому не дурно, что они гремят цепями только при входе. Тоже мне царство Аида с Церберами на короткой цепи. Лают, но не кусают? Пиздёж! Кусают. Ещё как кусают. Если кусать в ответ, то умело, но лучше не закусываться вовсе.

Я сидел за стойкой и выпивал. Мартышки из зазеркалья уже покинули свои отражения. Народ танцевал. Понемногу я расслабился и перестал обращать внимание практически на всё и всех. Я глядел в бездонную бездну стакана, думал о грядущем и минувшем. Всё схлестнувшись, набрасывалось друг на друга и заводило в ту тёмную топь мыслей, где весь окружающий мир выглядел чьей-то шуткой, иронической абстракцией, кукольным театром из танцовщиц на нитках, арлекинов-диджеев, бумажной массовой, снующей туда-сюда, разливающему в баре весельчаку, парочке церберов при входе и, конечно же, владельцу золотого ключика, который, пусть и не любит свой театр, но радуется за него всей душой — иначе на финише не быть монетам. Расклад бизнеса и всеобщего веселья. Каждому своя доля.

Покручивая на стойке стакан и пялясь в никуда, периферически почувствовал на себе взгляд. Повернулся больше по инерции, чем из интереса. Мимо проходила Аля в своём роскошном облегающем платье и грациозной походкой. И стоило нам встретиться взглядами, — она, улыбаясь, показала мне средний палец. Старый добрый фак! Я улыбнулся в ответ, но без жестов. Если это и было заигрывание и знак следовать за ней, то я ему не последовал. Я остался на том же месте и прикончил очередной стакан.

Спустя некоторое время, когда она возвращалась, вероятно, из туалета, то уже и голову не повернула в мою сторону, проходя мимо всё так же грациозно. Я проводил её взглядом до столика, где она припарковалась. Там сидела девушка — подруга, видимо, и двое бородатых парней напротив. «Действительно не одна», — подумал я и опустошил очередной стакан.

Время не то тянулось, не то заикалось. Стакан не пустел, сколько я не искал его дна. Искал освобождения. Было паршиво и при этом уже плевать, что я чувствую себя не в своей тарелке. Слишком людно, слишком громко, слишком глянцево и пестряще, слишком много пафоса и фальши для средненького клубешника. Хотя скорее это я был скучным, душным и абсолютно не вписывающимся мудаком на этом празднике жизни. Периодически на меня заваливался Марик с попытками выдернуть на танцпол, но каждый раз он получал отказ, выпивал стакан виски залпом и снова убегал плясать — не стесняясь втискиваться в круг девчонок, где в центре их всех зажигал, как в последний раз!

Музыка гремела популярными ремиксами, народ, полный градусов в кровеносной системе, всё активнее заполнял не без того избитый и затоптанный каблуками и ботинками танцпол. Марик, казалось, бился в экстазе, потому что из круга танцующих девчонок никто не дал ему по шее, когда он, якобы танцуя, перещупал все их задницы. Все довольны, все пьяны, и ночь ещё так юна!

Моя столешница была всё на том же месте, и бармен был по-прежнему моим близким другом. Он наливал — я платил. Такая вот дружественная связь. Дежа-вю. Чувствую на себе чей-то взгляд. Всё так же по инерции оборачиваюсь. Спасибо бармену и моему желанию расфокусировать действительность — вижу контуры стройного силуэта в чёрном платье, а волосы с бронзовым отливом всё так же роскошно окутывают плечи. Её глаза блестели огнями в отражении стробоскопов, а улыбка казалась милой, будто она прижала к груди всех больных и отчаявшихся. Будто свет Эдемских небес озарил её лучами солнца в этой пьяной и бездушной, низкой обители. Приятно я наблюдал её улыбку на себе и улыбался в ответ. А потом показал средний палец! Старый добрый фак!

Загremели Prodigy — Breathe в более мощной танцевальной интерпретации, потом Bon Jovi, поющий о своей жизни в кислотных джинсах. Люди прыгали, извивались в движениях, кто во что горазд, и казалось, что все были счастливы.

— Ну и какого хрена это было? — закричал мне голос в ухо.

Я повернулся от стойки и посмотрел на источник звука. Смотрел и не узнавал.

— Что, теперь сказать нечего?! — всё с тем же агрессивным настроением спросила она.

Я старался смотреть в глаза, которые то и дело ускользали в моём опьянении. Пытался распознать её и суть её претензии. И тут меня как гирей в темечко шарахнуло — блядь! Я обо-
знался! Чёрное платье, цвет волос, практически тот же рост и милое личико в купе с потряса-
ющей фигурой. Я не той показал средний палец! Я их перепутал!

— Вот чёрт... Кажется, я жутко облажался. Прости! Вышло классическое недопонима-
ние. Я принял тебя за другую, за что дико извиняюсь! Дай мне возможность загладить вину!
— предложил я.

— То есть ты с ехидной улыбкой показываешь мне фак, а потом так просто говоришь, что
ошибся!? — всё так же негодуя спрашивает она.

— Это честная ошибка. И мне стыдно! Правда! Можем поговорить в курилке? Там
потихше.

— Ну пойдём, — сказала она, и я отправился следом за ней.

Я угостил её сигаретой, прикурил ей и себе, и молча смотрел в её глаза.

— Это ты так заглаживаешь свою ошибку?

— В этом платье ты выглядишь сногсшибательно! Но уверен, что ни чуть не меньше
сногсшибательно ты выглядишь и без него. И это высшая оценка! Больше, чем комплимент!
— улыбаясь сказал я.

— То есть так ты извиняешься, переходя сразу к пошлости? Думаешь, меня это как-то
впечатлит?

— Конечно нет. Ни разу вообще. Прости. Просто я ничего толкового не придумал.
Вышло так, что одна знакомая наградила меня этим жестом часом ранее, и приняв тебя за неё,
я решил пошутить так же. Знаю, что это тупо, и крыть абсолютно нечем. — честно признался я.

— Чем же ты так провинился, что она тебя наградила? — не унималась дама в чёрном,
но уже хотя бы без агрессии.

— Ну, сперва я выпил её коктейль, потом наступил на ногу, а потом увёл её парня, —
ответил я.

Воцарилась тишина. Мы смотрели друг на друга. Она в недоумении — я с интересом.

— Мне кажется, это её расстроило, — добавил я, нарушив паузу.

Она закашлялась и начала смеяться. Смеялась и кашляла, и остановиться, видимо, не
могла, и дым залетел не в то горло. Я затушил сигарету, подошёл вплотную и одной рукой при-
обняв за плечо — похлопал аккуратно другой рукой по спине, как в старых добрых традициях,
приговаривая, что: «Это пройдёт, что у меня здесь есть друг, который за деньги даёт лекарство,
которое лечит от всех бед кроме бедности. Что он по профессии разоритель кошельков, но
это не беда — парень-то он вроде неплохой». Она перестала кашлять и уже просто смеялась,
уперевшись лбом мне в плечо и запустив пальцы мне в загривок.

— Кажется, выпила лишнего, — игриво произнесла она, смотря прямо на меня в упор
своими синими, как небо, глазами.

Проскользив рукой с плеча до талии, я притянул её к себе. От её волос пахло сигаретным
дымом и сладким парфюмом с ароматом персика. Её тело было горячим. Я чувствовал её уча-
щённое сердцебиение и глубокое дыхание.

— А мне кажется, я не до конца принёс свои извинения, — сказал я.

— Тогда мне ещё кажется, что я их не до конца приняла, — лукаво улыбаясь, ответила
она.

— Я знаю здесь одного кудесника разливного дела. Может, он поможет сгладить ситуа-
цию?

— А он пальцами махать не будет?

— Не скажу за его пальцы и как он ими пользуется, но за барной стойкой управляется
ловко. И возможно, как раз-таки, всё дело в пальцах! Пойдём?

— Пойдём, — сказала она, и я захлопнул дверь в курилке на выходе.

Увидев меня, бармен потянулся за бутылкой и свежим стаканом. Наполнив его, спросил только, нужен ли ещё стаканчик колы. Я кивнул в знак согласия.

— Дружище, будь любезен, сделай ещё водку с тоником для дамы! — попросил я.

— Одно мгновение! — отозвался друг за деньги.

Повезло. Место за стойкой, где я сидел, оказалось не занятым. Возможно, сыграл фактор оставленного недопитого стакана на столешнице. Мы присели.

— Ещё раз приношу свои извинения! За тебя! За твой шарм и за случай! — и я протянул свой стакан к её, чтобы чокнуться за примирение.

— Принимается! — ответила она и тем же жестом протянула стакан.

Сделав по глотку, её глаза приняли хитрый взгляд, и она сказала:

— Я сперва раздумывала между вариантами дать тебе по шарам или вылить на голову коктейль. Но почему-то в последний момент мне стало просто интересно, какого хрена это было. Таких знакомств у меня ещё не было. — лукаво шуря глаза, произнесла она.

— Оба варианта справедливы. И спасибо, что пощадила мои шары! Они тебе благодарны! Но если бы ты не вернулась с праведным гневом, то мы бы не познакомились, ведь, приняв тебя за другую, я решил, что мы квиты и продолжаем отдыхать дальше. И подобных случаев, кстати, у меня тоже не было! Поэтому предлагаю выпить за что-то новое, что не часто случается и объединяет!

И мы выпили ещё.

— Пойдём танцевать! — предложила она.

— Это плохая идея! Точно тебе говорю!

— Это ещё почему?

— Ты видела начинающих фигуристов? — парировал я вопросом на вопрос.

— Чего? Не знаю. При чём тут фигуристы? — спросила она в ответ.

— Ну, они очень — очень сильно ничего не умеют, хоть и очень хотят! А я ещё и хочу не очень.

— Так, либо идём танцевать, либо я аннулирую своё прощение! — с улыбкой, но тем не менее как-то строго заявила она.

— Дорого же стоит твоё прощение. Ладно, но не говори потом, что я не предупреждал.

Танцпол, как и прежде, пестрил красками, стразами, платьями, яркими майками и футболками, взмахами рук и ног. Все отдавались гремющей музыке.

Она двигалась пластично, изящно, страстно извиваясь под ритмы музыки. Словно непорочное дитя танцпола от Армина ван Бурена и Шакиры. Я же, в свою очередь, был крив, неуклюж, скован в движениях, но старателен. В общем, как плод любви железного дровосека и манекена с сиськами.

Спустя несколько песен запустили медляк, чтобы все уставшие тусовщики взяли паузу, отдышались, устроили перекур, дозаправились выпивкой или снюхали дорожку другую в сортире. Площадка изрядно проредела. Осталось не больше десяти пар в объятиях и с полдюжины одиноко качающихся девиц, как камыши на ветру. Играла мелодичная песня Томми Стинсона. Я притянул её за талию. Она обвила руки вокруг моей шеи. Мы неспешно кружились. Я вдыхал запах её волос, чувствовал её дыхание и как билось сердце. Обнимая её за тонкую талию, я чувствовал всю пульсацию её тела и странным, непривычным для себя образом ощущал единство. Я закрыл глаза, растворяясь в магии этого момента. В голове цветным калейдоскопом пронеслись мысли о том, как я не хотел сюда ехать, как не люблю такие заведения, как искал только успокоения на дне стакана, как мысленно смеялся над всем этим театром кукольных изваяний. Но я держал в руках восхитительную девушку. Она дышала мне в шею, а я снова и снова вдыхал запах её волос. Неспешно кружась в медляке, я не нашёл слов ни для предлогов,

ни для рассказов. Никаких слов я не нашёл. Поэтому просто нашёл её губы своими... Они были сладкими, горячими, страстными... Она не увернулась, напротив — обвила мою шею ещё крепче и запустила свой язык к моему. Мои руки скользнули с её талии на бёдра, и танец кружил героями своего танцпола.

— Давай сбежим отсюда, — шёпотом ей на ухо предложил я.

— И почему мне хочется тебя и послать, и согласиться одновременно!? — на выдохе произнесла она.

— Может, это искра? Может, так бывает?! Может, я совсем не хочу заканчивать с тобой знакомство!

— По твоему, знакомство в клубе может закончиться счастливым финалом?!

— Выражение "счастливый финал" — это ворованная цитата! Так нельзя!

— Ворованная цитата? — недоумевающая спросила она.

— Именно! Нахальная кража из моей писанины!

— Ого. Что же ты такого написал, где выражение "счастливый финал" — стало твоей цитатой?

— Пока не дописал. Они пока в пути к своему счастливому финалу. Пока что они не знакомы, но при этом ближе, чем кто бы то ни было.

— Звучит интригующе! Кто ты вообще такой? Что-то пишешь, соблазняешь, говоришь красиво...

— Оу, так ты соблазнилась?

— Ты держал меня за задницу и не получил по физиономии. Как думаешь?

— Думаю, это добрый знак! Так что у нас с предложением сбежать? Ещё час — другой, и здесь начнётся оргия всех полов и возрастов. Возможно, даже в кулачном формате.

— Давай ещё немного пообщаемся с твоим карателем кошельков?! — игриво предложила она.

— С языка сняла! Сам хотел предложить! — ответил я, и мы направились к бармену.

Взяв ей коктейль, а себе порцию виски — мы прикончили их сразу за барной стойкой.

— Подожди минутку. Надо с другом попрощаться, чтобы он потом не бил тревогу и морги не обзванивал, — сказал я.

— Хорошо. Я тоже с девочками попрощаюсь. Ты ведь не думал, что я одна сюда пришла?! — и мы отправились оповещать своих, договорившись встретиться снова у стойки.

Марик был ходячим примером кутежа. В яркой рубашке и порванных модных джинсах он зажимался в танце с миловидной девчонкой. Не хотелось его отвлекать, но я положил руку ему на плечо. Марик обернулся.

— Марик, я отчаливаю, — сказал я.

— Ты охуел? Ещё всё впереди! — закричал Марик мне в ухо.

— Я не хочу заставлять даму ждать. А ты здесь и без меня прекрасно справляешься! — ответил я.

Марик выпустил свою даму из объятий и повернулся ко мне.

— Так давайте сядем, познакомимся, пообщаемся, выпьем за добрый вечер! — предложил он.

— Не, брат, не обижайся! Просто настал момент, когда, правда, пора.

— Ладно, давай, брат! Бесполезно тебя уговаривать. Если что-то нужно будет — пиши и звони!

— Ты давай сам поаккуратней, Дон Жуан херов. Не лезь в неприятности, очень прошу!

— Да всё путём, не переживай. Сам не облажайся, — заржал Марик.

Мы пожали руки, обнялись, и я направился к барной стойке, где меня ожидала дама в роскошном чёрном платье.

Ночь была тёплая. Даже жаркая. Небо было безоблачным и покрыто россыпью звёзд. Мы прошли мимо весёлой компании у входа, наслаждающейся ночной клубной жизнью — пьющими с горла шампанское, передающими по кругу "косого" — весёлых, молодых и задорных парней и девчонок. Чуть поодаль от них, метрах в сорока, в неосвещаемом фонарями квадрате парковки — что-то между собой выясняла компания парней. Пройдя мимо и оставив их немного позади, прозвучал рычащий возглас: "Кого ты нахуй посылаешь, чепушила?!" И понеслась заварушка с матюгами, всхлипами, звуками хлестких ударов и кипиша. Так уж порой складываются обстоятельства, приняв на грудь лишнего. История стара, как мир!

— Жарко. Перегрелись, парни, — оглянувшись по инерции, сказал я.

— Вот скажи, а то я порой понять не могу — я видела, как девчонки дерутся... Один раз сама дралась даже. Правда, это было в школе ещё. Но сейчас-то уже вроде взрослые люди! Почему нужно драться? Что на ровном месте происходит такого, чего не решить словами? — серьёзно и недоумевающе спросила она.

— Не знаю. Может, порок человеческого эго. Хотят доказать друг другу, кто круче.

— И весь ответ? Я почему-то ждала более развёрнутого, — как-то разочарованно произнесла она.

— Да правда не знаю, — усмехнулся я. — Лето, жара, молодые парни, кипящая кровь. Что-то не поделили. Может важное, но скорее всего нет, как обычно. Тестостерон, спермотоксикоз, мозг на пол извилины, но с бычьим здоровьем... Просто люди дебилы. Люди нуждаются в конфликтах и самоутверждаются в них только за счёт своей победы. Это по сути пиздец, как примитивно, но то банальность — и так было всегда.

— Ну вот — говоришь, что не знаешь, а сам вон сколько наговорил, — иронично сказала она.

— Это был необузданный ход мыслей под давлением. Первый вариант тебя не устроил, а дальше пошёл экспромт. Фристайл, так сказать.

— Под давлением? Даже попытки не было. Но быстро же ты поддавился! — засмеялась она.

— Поддавился? Нет такого слова! Где ты его вообще взяла? Поддавился... — рассмеялся и я.

— Только что придумала! Подходящее же слово!

— Не знаю, чем тебя не устроило слово "поддался", но обязательно возьму себе на вооружение! В рехабе с таким точно примут, как родного!

С минуту мы просто шли по тротуару и в голос смеялись. Потом мы прошли небольшую колонну дежуривших у клуба таксистов. Все звуки и возгласы заведения остались позади. За пару минут ночь превратилась из гулкого бранного пекла в тёплую, уютную и умиротворяющую, как колыбель, обитель. Мы просто шли вперёд, не спрашивая куда и зачем. Не спрашивали имён, просто обращаясь друг к другу на "ты". Не спрашивали, кто чем живёт и к чему стремится. Как дети, перепрыгнувшие забор детсада, убегая подальше от воспитателей с целью новых открытий. Мы были будто вышедшими элементами за пределы всевидящих радаров. Были только мы, пустой ночной город, фонари, освещающие улицу, и лёгкий ветерок. Была лёгкость и ощущение, что познакомились не час назад, а жизнь — вперёд.

Дойдя до городского парка, мы прошли чуть вглубь и остановились у скамейки под старым ветвистым дубом. Света фонарей там было немного. Его едва хватало на восприятие очертаний, но в этом, пожалуй, и была своя идиллия, магия и свой романтизм момента. Присев на скамейку, я обнял её. Она прижалась и положила голову мне на плечо. Какое-то время мы сидели в тишине.

— Знаешь, прозвучит очень странно, но я не хочу с тобой прощаться, — нарушил я тишину.

— Для человека, показавшего мне фак, — это и правда странно, — улыбаясь, ответила она.

— Для дамы, которая ушла с вечеринки с парнем, показавшим ей фак, — это тоже кажется немного странным.

— Согласна. Действительно странно, но есть в тебе что-то такое... Объяснить не могу. Сегодня много кто подкатывал, но все, как один, были пафосные и надменные. Сразу было видно, что они хотят девку на одну ночь по шаблонной схеме — напоить, вызвать такси и увезти к себе. А я просто потанцевать приехала в коем-то веке, развесяться.

— С чего ты решила, что я не такой? Ведь я тоже предложил тебе сбежать оттуда, — сказал я.

— Предложил, да. Но как-то иначе. Я тебя случайно увидела. И если не считать твою, как ты выразился, честную ошибку с пальцем — ты просто пил и глядел в никуда. Ты ничего не искал в этом месте. Все танцевали, веселились, а ты будто был вне толпы и не обращал ни на что внимание. Что ты вообще там делал? — поинтересовалась она.

— Хороший вопрос. Сам не знаю. Меня вытянул туда друг, совершенно не принимая отказов. Такие заведения не моя стихия. Людно, громко. Да и других мыслей хватает сейчас.

— Ух ты! Да ты впервые за вечер говоришь серьёзно без единой шуточки и иронии, — улыбнулась она. — Это что-то новое!

— Да, для разнообразия делаю так иногда. Это всё время суток действует — у ночи есть иногда свойство выворачивать душу и подавать тёплой на блюде.

— По ночам уязвимы мечтатели и романтики, насколько мне известно. Ты похож на такого. По крайней мере мне так кажется. Иначе бы мы не сидели сейчас здесь. Ведь если бы ты предложил ещё у клуба поехать к тебе, то я была бы разочарована, а ты — послан в пешее эротическое, и я уехала бы домой с мыслями, что все вы одинаковые кобели.

— А ты любишь поковыряться в человеческих натурах, барышня! — усмехаясь, сказал я. — Зачем ты это делаешь? Чем больше начинаешь понимать человеческую природу — тем меньше тебе будет хотеться с ней соприкасаться. С пониманием часто приходит разочарование, а вера и надежда рассыпаются, как карточный домик. Так себе история.

— Ага, ещё и грустный философ. Какой интересный список получается, — хихикнула она.

— Прекращай, а то я начинаю чувствовать себя подопытным, — засмеялся я и, обняв её, второй рукой слегка растормошил волосы.

— Я на психолога училась, и мне это до сих пор интересно, и ты — интересный подопытный. Правда, я вылетела на втором курсе, но это не мешает иногда тренировать навыки.

— О да! Подопытный — это заметил! А чего вылетела? На практике подсыпала пациентам мефедрон для сговорчивости или с психологическими трюками толкала травку первокурсникам?

— Если бы! — смеялась она. — Не нашла общего языка с преподавателем человековедения, и эта курица полностью забраковала мою курсовую.

— Как же она преподаёт такой предмет и не может найти общий язык с людьми?! Это парадокс какой-то! Но я было подумал, что речь пойдёт о старом похотливом преподке в изъеденном молью ветхом пиджаке, пускающем слюни на твои роскошные ножки. Но он не получил взаимности, а ты не получила аттестат. Се-ля-ви.

— Да, недолго ты был серьёзным собеседником.

— Ладно, хорошо. Что случилось потом? Не удалось стать психологом — не беда! Ты можешь заниматься этим как хобби — читать книги, саморазвиваться и вести наблюдения. А именно работать психологом — это ведь суший ад! Только представь: изо дня в день потоки людей с полными тараканов головами всё тебе изливают, и ровно к каждому из них ты должна быть чуткой и внимательной — уметь подобрать ключик! И хорошо, если они безобидные. А если там острые случаи, буквально в пограничной зоне, но ещё недостаточно, чтобы передавать такие дела в диспансеры? С такими точно недолго тронуться рассудком и уехать в рехаб следом. Но это я так, к слову о том, что может это и к лучшему... Что случилось дальше?

— Тебе правда это интересно?

— Из нас двоих ты больший психолог — расцени: интересно мне это или вру я, как последнее брехло.

— Сейчас кажется, что ты своими дифирамбами пытаешься проникнуть в моё доверие.

— Господи, вся женская натура во всём своём очаровании!

Ночь неспешно окутывала нас своей лёгкой прохладой, изредка щебетали птицы где-то в тёмных кронах деревьев, а в парке было совершенно безлюдно. Мы были одни, как единственные уцелевшие после кораблекрушения, вынесенные волной на безлюдный остров, которому были чужды нравственность, лицемерие, алчность, брезгливость, сострадание, радость и боль, все избитые пороки жизни, все натёртые и кровоточащие мозоли внешнего мира. Девственный остров, на который ещё не ступала нога человека. А нас, занесённых волной, остров принял будто за странных мотыльков, чьи глаза блестели в ночи, глядя друг на друга.

Подул прохладный ветерок, и она поёжилась. Я укутал её в свою куртку и прижал к себе.

— У меня там в кармане есть согревающий эликсир. Хочешь?

— Только немного. Я обычно столько не пью. Сегодня дала волю, но это редко случается, — ответила она.

Я вынул из внутреннего кармана фляжку с виски.

Сделав глоток, она чуть не выплюнула его под ноги.

— Без колы? Чистый? Фу, какая крепкая мерзость.

Я предложил ей жвачку, чтобы сбить вкус. Она взяла. Сделав хороший глоток, я закурил сигарету. На часах был уже четвёртый час, и понемногу начинало светать.

— Давай я провожу тебя домой.

— В гости ко мне напрашиваешься, хитрец? — с улыбкой спросила она.

— И рад бы напроситься, но нет. Просто провожу и поеду к себе.

Она многозначительно посмотрела на меня своими прекрасными глазами цвета неба.

— Ух ты! Я поражена! Или это какой-то психологический трюк?

— Нет никаких трюков. Я буду честен. Сегодня уже насупило воскресенье, а в понедельник я уезжаю. Возможно, надолго. А если бы я ничего не сказал тебе, напросился в гости и уехал бы только к полудню, а потом и вовсе потерялся с радаров, то это было бы низко и подло. Может, странно, но я не хочу тебя разочаровывать и разрушать доверие. Мне это небезразлично.

— Странно... — в задумчивости произнесла она. — Эта ночь вообще странная. Странная встреча, странное знакомство, странно, что ты не пытаешься затащить меня в постель, странно целоваться с человеком, даже не зная имени, странно чувствовать себя так легко и свободно. Как будто всё это не по-настоящему.

— Лучше и не скажешь.

Мы встали со скамейки и отправились через парк. Солнце уже поднималось, стирая последние следы ночи. Небо было в нежных малиновых тонах, но самые яркие звёзды всё ещё виднелись. Природа в парке просыпалась, щебетали птицы, и всё было наполнено утренним умиротворением. Я обнимал её, и мы молча шли, вдыхая утренний рассвет. Пройдя через

парк, затем одолев несколько кварталов, мы остановились у подъезда пятиэтажного панельного дома. Он не отличался от других домов, расположенных в этом районе — такой же, как и все другие, песочного цвета, с парковкой, лужайкой и деревьями. Я узнал этот дом. Когда-то, будучи курьером, я привозил сюда какую-то коробку пожилой хамоватой тётке. Но это воспоминание я мигом выбросил из головы, потому что понимал — вот-вот мы распрощаемся и, скорее всего, я больше никогда её не увижу. А если и увижу, то будет это совсем не скоро, и тогда, возможно, она уже будет прогуливаться с коляской, держа под руку солидного мужчину. И мы пройдем мимо друг друга, и, возможно, она даже меня узнает. Её определённо выдадут глаза. Но мы просто пройдем мимо, как и всегда, растворяясь в толпе.

Мы стояли у подъезда в объятиях, как на медляке в клубе под Томми Стинсона. Я любовался её глазами в утренних лучах солнца. И как и тогда я совершенно не знал, что сказать. Поэтому просто поцеловал её. Поцелуй из нежности начал набирать обороты страсти. Это было уже не просто пламя. Разгорался настоящий пожар, и время при этом остановилось. Животные инстинкты рвались наружу, а мозг был уже не способен сложить дважды два.

— У тебя дома кофе с печенюшками не найдётся? — Чуть оторвавшись от её губ, спросил я.

— Каков нахал! — Прошептала она и поцеловала с той же страстью. Одной рукой она вцепилась мне в загривок, а другой, сумбурно торопясь, стала искать ключи в сумочке. Вдруг что-то звякнуло в её руке, и, не отрываясь от меня, она открыла дверь подъезда. Этажи промелькнули, как в забвении, поэтому я даже не сориентировался, на какой этаж мы поднялись. Уже в коридоре туфли и кеды отправились, не глядя, в свободный полёт по разным сторонам. Куртка пролетела мимо вешалки. Градус был взвинчен до предела, и если в этот момент и таяли ледники, то только потому что в этой точке земного шара полыхал пожар, сжигая всё на своём пути. Она тянула меня за собой через коридор. Одним движением молния разрежала платье, которое тут же соскользнуло на пол. Разобравшись с пуговицами на моей рубашке, она тоже приземлилась где-то неподалёку. Дальше в угол комнаты полетели джинсы. Её кожа была нежной и горячей, сердце колотилось, будто норовя выпрыгнуть, а время казалось условным. Совершенно всё казалось условным. Если время и имело какой-то вес и значимость, то точно не сейчас и не здесь. Мы упали на кровать. Я целовал её тонкую шею, целовал упругую грудь, спускался ниже... Она, запрокинув голову назад, глубоко дышала, впиваясь пальцами мне в волосы. Её диафрагма то поднималась, выгибая спину, то опускалась на выдохе. Не сопротивляясь, она позволила снять с неё последнее олицетворение кружевной обороны, и я вошёл в неё. Её острые накрашенные ноготочки впились мне в спину, и она застонала. Одним дыханием на двоих мы встречали рассвет.

Когда я проснулся, на часах было уже 12:08. Она сладко спала, прижавшись щекой к моему плечу. Солнечные лучи проникали через открытое окно и падали прямо на кровать, падали на неё, и кожа её будто светилась нежным бархатом. Я лежал и думал о том, что всё это просто сон — иллюзия, которая решила пошатнуть ощущением прекрасного мой потрёпанный и мрачный мир. Но сон был совершенно прекрасный, так как по моему обыкновению снились мне исключительно кошмары или неведомый бред, полный бесконечного абсурда. Я любовался ею, её нагим телом, изящными и нежными изгибами. Чувствовал её дыхание. Рисовал в уме картину этого утра и ангельского создания, что тихо посапывало, прижавшись ко мне всем телом. Но за окном был по-прежнему реальный мир, и теперь уже время беспощадно бежало вперёд. При всём наслаждении этого момента в голову возвращались мысли о скором отъезде. Нужно было попрощаться с мамой, съездить в магазин с Костей за провиантом, как и договаривались. Нужно было собрать вещи и ничего не забыть. В двух словах — дел хватало. Но на моём плече спал маленький ангел, а я даже не знал её имени.

Медленными телодвижениями я, как сапёр, чтобы не потревожить её сон, выполз с кровати. Нашёл свои трусы — уже неплохо. Был жуткий сушняк, и я направился, в поисках кухни,

к заветному водопою. В холодильнике из питьевого я нашёл только йогурт — не катит. Попил из-под крана. Захотелось кофе. Начал рыться по шкафчикам — нашёл заварное и сухие сливки. Шуршал по шкафчикам, я, видимо, довольно громко.

— Сперва воспользовался, а теперь грабишь? — Прозвучал голос за моей спиной.

Она стояла в лёгком полупрозрачном халатике, скрестив руки на груди. Прелесть халатика была в том, что через него были видны все изгибы её роскошного тела. Я стоял с пустой кружкой в одной руке и банкой кофе в другой. Я был застигнут врасплох. Сложно было чем-то парировать её колкость. Я поставил содержимое на стол, подошёл к ней и обнял.

— И тебе доброе утро! Я хотел побаловать тебя кофе в постель, но есть и ещё один отличный вариант избавления от похмелья.

— Это какой же? — Спросила она.

Я поднял её за бёдра, а она обвила меня своими длинными стройными ногами. Я унёс её обратно в спальню, и мы повторно, с той же страстью, отправились ко второму акту секс-спектакля после лёгкого перерыва на антракт.

Когда закончили, мы пытались уравновесить наши дыхания, лёжа на мягкой простыни.

— Тебе разве не пора? — С отдышкой спросила она. И в этом вопросе голос её не был таким бархатистым, как до этого.

Хоть мне и правда было уже пора, но расставаться на такой ноте совсем не хотелось.

— Слышу недобрую интонацию. Это правда в мой адрес или всё это время кто-то прятался за занавеской?

— Так! Давай не будем ничего усложнять! Что ты говорил? Уезжаешь? Ну так вали... И всё забудем!

Я попытался обнять её, но она стала отбиваться. Не слишком агрессивно, но под глаз мне всё же прилетело её локтем. Глаз заслезился...

— Кто ты? И куда ты дела милую и нежную девчонку? С тобой мы, кажется, не знакомы, барышня, — пытался я сгладить ситуацию.

— Слушай, шутник. Давай-ка на чистоту — было клёво. Правда клёво. Ты классный и милый, и для тебя подобное, наверняка, входит в будничный ритуал — произвёл впечатление, вошёл в доверие, заставил сердце очередной дурочки биться чаще, а потом вспоминай, как звали! Ах да! Я ведь и имени-то не знаю, поэтому в этот раз у тебя получилось выше всяких похвал! Гуру пикапа просто! А вот я просто дура пьяная, повелась на симпатичную мордашку и все эти разговоры. Господи, какая же я дура! Дать себя трахнуть в первую же ночь знакомства! — Тут она зарычала, спрятав голову под одеяло.

Я лежал рядом, и пока она спряталась в своей злости под одеялом, предпринял очередную попытку взять её в объятия. Удалось ловко перевернуть её с бока на спину и занять позицию сверху, перекрыв её локтям и ногтям доступ к своему лицу. Я заглянул ей в глаза и поцеловал. Она не пыталась увернуться на этот раз и поцеловала ответно.

— Максим Лисевский, — сказал я с улыбкой, отлынув от её губ. — Можно просто Макс. Позволишь теперь мне высказаться? — И не дожидаясь ответа, я продолжил. — Я никакой не гуру-пикапер, и такие знакомства для меня ни разу не будничный ритуал. Ты мне нравишься, безумно нравишься! Очарован до неприличия! Настолько, что сейчас я абсолютно точно не хочу никуда уезжать и расставаться с тобой... — Тут я осёкся и замолчал, глядя в её глаза цвета бесконечно синего неба. В этот момент я говорил совершенно искренне, но не уезжать было никак нельзя — слишком многое было поставлено на кон. Здесь у меня не было ни работы, ни своего жилья, ни перспектив. Но сейчас я смотрел в её глаза — в эти бесконечно прекрасные глаза. Я тонул в них, будто совершенно в другом мире, никак не связанном с моим. В нём

было тепло и беззаботно. Это сотрясало сознание, и привычность обыденного естества. Мир переворачивало с огромной силой, и я совершенно не знал, что с этим делать.

— Но тем не менее тебе нужно уехать, — будто прочитав все мои мысли, сказала она спокойным тоном, но с ноткой грусти в голосе.

— Возможно, сейчас я хочу безмерно многого, но я хочу, чтобы ты дождалась меня. Всего три месяца, и я вернусь.

— Зачем тебе это? Да и зачем это мне?

— Не знаю. Просто иногда достаточно, чтобы всего раз звёзды сошлись для того, чтобы стать счастливыми, — ответил я.

— Мы не знаем, тот ли это момент. Если судьба, значит ещё встретимся, и всё получится. А сейчас тебе пора, — настойчиво сказала она.

— Не думал, что психологи используют в своей терминологии такое дрянное словечко, как «судьба». Это ведь абсурд по сути, и... — Она перебила, не дав договорить мой почти что лишённый смысла бред, и выглядела уже довольно злобно, практически враждебно.

— Не вынуждай материться. Я не хочу прощаться с тобой руганью.

Я молча нашёл свои разбросанные вещи, наскоро оделся, и вот уже входная дверь закрывалась у меня перед лицом. Я придержал её.

— Ты не хочешь прощаться руганью, а я и вовсе не хочу прощаться. Скажи хотя бы своё имя, о большем и не прошу.

— Юля, — ответила она, и дверь захлопнулась у меня прямо перед самым носом.

Глава шестая

Мама встретила меня в коридоре своей небольшой, но уютной "двушки". Она улыбнулась, но в её глазах ощущалась тщетно скрываемая тревога. Мы обнялись и прошли на кухню.

— Не завтракал, как всегда? — спросила она.

В этом простом и коротком вопросе было столько заботы и нежности, хоть и не без иронии. Меня она считывала, как рентген — настроение, эмоции... Будто у неё было какое-то сакральное чувство улавливать мелочи и детали, и всё это невольно и безотказно работало, если только я старательно и щепетильно не выстраивал оборонный купол при полной недостижимости. Но даже в те моменты она, пожалуй, просто стратегически выжидала, когда я первый вскрою свои карты.

— Не пришлось, — честно ответил я.

Не задавая других вопросов, мама вытащила из холодильника колбасу, помидор, укроп и упаковку куриных яиц — знала, как облупленного, что я люблю на завтрак.

— Вещи-то все собрал? — спросила она, зная заведомо ответ.

— Извини, удивить тебя не получится — ещё даже не начинал. Но я всё успею, весь день впереди. С Костей ещё за продуктами заедем, закупим всё, что нужно. Всё по плану.

— Знаю я твоё "по плану". Завтра утром будешь носиться как угорелый и собирать всё, что забыл. В твоём репертуаре... Лучше сразу упакуй в сумку тёплые вещи. Я читала, что там климат прохладный, поэтому свитер и носки шерстяные обязательно. Тем более рыбная фабрика, там ведь холодильники, морозильники — простыть как нечего делать! Ещё не забудь... — и она стала невольно перечислять и аргументировать всё, что необходимо взять и для чего это нужно. Разумеется, она говорила всё это исключительно из лучших побуждений.

Мама! В этом была вся она — человек заботы! Она волновалась. В этот момент она смотрела на меня, как на ребёнка, который впервые пойдёт в школу самостоятельно. Нужно было ничего не забыть и не сбиться с маршрута. По сути, так было и сейчас — у нас не было такого, что мы не виделись три месяца. Плюс ко всему, она знала мой характер и умение находить приключения на задницу. Поэтому она давала мне указания, говорила, что нужно, а что нет, предостерегала и не жалела заботливых слов, с которыми матери отпускают своих детей в свободное плавание.

— Если вдруг денег нужно будет — пиши, звони, вышлю на карту.

— Мамуль, да не волнуйся ты так! Мы с Костей едем, а там уже Саня встретит. Там хоть и страна другая, а своих людей достаточно! Всё хорошо будет, не переживай!

Яичница шкворчала на сковородке. Над ней с приправами колдовала мама — самый понимающий и трепетный человек на свете. Ещё до распада Союза она приехала в Эстонию в поисках лучшей жизни. Лучшая жизнь обернулась многолетним стажем на местном химическом заводе по переработке сланца. Она вкалывала днём и ночью, посменно, чтобы обеспечить нашу маленькую семейную ячейку. Мы никогда не жили богато, но и голодных времён никогда не было.

Кавалеров у мамы было немного — по пальцам пересчитать, да и те были редкостными мудаками, по моему мнению. Мне с детства казалось, что я вижу их насквозь и все их намерения. Они были недостойны её — в этом я не сомневался. Но в детстве я держал эти мнения при себе, а вот уже в семнадцать я сцепился с одним таким "кавалером" на лестничной площадке. Он, пьяный, пытался пройти в квартиру и что-то обсудить с мамой. Она говорить не хотела и просила его уйти, от чего алкоголь только разгонял его злость, и он не давал ей закрыть дверь, начиная шуметь на весь подъезд.

Я вышел из комнаты и проскользнул так, чтобы оказаться между мамой и бухим обмудком. Достигнув цели, резко оттолкнул его от двери. Но вместо того чтобы просто захлопнуть дверь, я зачем-то выскочил на лестничную площадку — я был зол, в висках стучало от впрыска адреналина в кровь. Моя выходка привела его в бешенство, и он попытался оттолкнуть меня и снова попасть в квартиру. Мы сцепились, поливая друг друга отборным матом, пытаясь приложиться покрепче, но больше это походило на борьбу. Думаю, если бы мама не вмешалась, громко крича о том, что вызвала полицию, моё отбитое до кровавых соплей тело по итогу валялось бы где-то на лестничном пролёте. Он ушёл. Шли недели — мама переживала, что он вернётся, но этого не случилось, и она выдохнула с облегчением.

Яичница, как всегда, зашла на ура. Далее по традиции был употреблён бергамотовый чай с печеньками.

— Вечером ещё забежишь? — спросила мама.

— Если честно — не знаю. Думаю, заехать в одно место, а там как пойдёт.

Наступило молчание. С момента, как я пришёл, лицо мамы было тревожным, хоть она и думала, что я этого не замечаю. Но её выдавал нахмуренный лоб. Она сидела, размышляя о чём-то, и тут её лицо изменилось: расправились морщинки на лбу, брови приняли обычное положение, а глаза стали добрыми и спокойными. Она посмотрела на меня с улыбкой, подложив ладонь под подбородок, прижимая пальцы к губам.

— Знаешь, я всё думала, думала... О тебе, о твоём отъезде. Так страшно было. Тут ты под боком, если что, всегда можешь прийти. Даже если не видимся неделю, всё равно знаю, что ты где-то рядом, и от этого спокойно. А там... Я ведь не знаю, что там. Потому и страшно. Но ты должен ехать. Вижу, что здесь ты себя не находишь, да и куда тут?.. Снова на завод ты не пойдёшь, а других вариантов не так много. Просто поняла, что должна тебя отпустить. Матери всегда это сложно принимать, ведь дети... — Она взяла паузу, чтобы подобрать слова. — Будут свои — поймёшь. Просто знай, что я всегда за тебя и верю, что ты со всем справишься.

Это было сказано чувственно, нежно, слова наполненные заботой, и я крепко обнял её.

— Мамуль, я очень тебя люблю! Всё будет хорошо, обещаю! Только не волнуйся! — Я знал, что говорю банальность. Да и гарантий, что я никак не облажаюсь, не было. Но неизменно оставалась тусклая и скупая вера в лучшее.

Вернувшись домой, нужно было заставить себя хотя бы сделать первый шаг и начать собирать вещи. Но вместо этого я плюхнулся на кровать в позе морской звезды. Словно в центрифуге крутились мысли о прошедшей ночи, о переживаниях и словах мамы, о сборах, о всей этой суете вместе взятой, но в первую очередь мысли были о Юле.

Стороны мышления разделялись: с одной стороны, я не испытывал большого почёта к барышням, которые отдаются на первой встрече. По крайней мере, считал, что для серьёзных отношений такой подход и легкодоступность никуда не годятся. С другой же стороны, Юля совершенно не представлялась одной из таких девчонок, и мой мозг отчаянно пытался отыскать оправдательные варианты. Я видел немало вольных и распутных барышень, и у них обязательно было что-то общее между собой. Но её образ был далёк от образа распутных девиц так же, как созвездие Кассиопея от земного ядра.

При всём том, что она по сути дала мне полный карт-бланш вольной жизни, выставив меня за дверь, я не хотел ставить точку. Даже если она и поверила моим словам, то в любом случае в первую очередь её безумно грызло чувство подорванного достоинства и самоуважения. Но, возможно, я ошибался — ведь в конце концов на психолога училась она, а не я. Хоть и не закончила.

Провалявшись примерно час в попытках упорядочить мысли, я понял, что дело это весьма безнадёжное. Лучшее решение — отвлечь себя делом. При всём том, что дел действи-

тельно хватало. Я набрал Костю и, договорившись, что заеду за ним через полчаса, начал раскладывать вещи по сумкам.

В магазине мы управились довольно быстро: набрали побольше тушёнки, макарон, гречки и прочих нескоропортящихся продуктов. Шампуни, зубные щётки и пасты также полетели в тележку. Разумеется, позаботились и о плацдарме по прибытии — взяли несколько бутылок коньяка для "нормального знакомства" с будущими коллегами по цеху и сожителями по совместительству. С кем нам предстояло делить крышу над головой, мы даже не догадывались, но Санька как-то в разговоре сказал, что дома, где проживают работяги, рассчитаны примерно на шесть-десять человек. Остальное прояснится по ходу пьесы.

На подписании договоров нужно было быть в офисе к полудню. Прикинув, что на дорогу нам понадобится часа два, мы сошлись на том, что выезжать будем в девять, а час оставим на непредвиденные обстоятельства — мало ли что может произойти с нашим уровнем везения.

Я отвёз Костю домой и вернулся к себе, дальше упаковывать сумки. Спустя час всё было собрано и перепроверено.

Открыв старенький "Асус", я решил попробовать набросать хотя бы абзац-другой в свою так называемую книгу. Идея заключалась в том, что молодой парень с девушкой, слетев с катушек от крайне развязной жизни в свете неонов, танцполов, притонов, обилия алкоголя и наркотиков, попадают в реабилитационный центр, где и происходит их знакомство с дальнейшими трагикомическими выкрутасами. Но, как говорится, идея — идеей, а чистый лист сам по себе буквами не заполнится. Процесс начинался активно, с градусом и задорным настроением, но постепенно всё стало скатываться на нет, и по итогу на шестой главе образовался крепкий творческий запор. Сколько голова ни тужилась, выдавить хоть сколько-нибудь приличный текст не удавалось. Но я не терял надежд и не оставлял попыток.

И вот, глядя на последний абзац, внезапно врезалась в память фраза про "счастливый финал". Невольно мысли стали возвращать меня в клуб, в ритмичный кружащийся медляк, в аромат сладкого персикового парфюма, в бездонную синеву волшебных сияющих глаз и горячего стройного тела. Память включила киноплёнку. Камера, мотор, поехали...

Я отложил "лапик" и начал бродить по комнате из угла в угол, мысли уже кружили непрерывным потоком: "Найти и тут же потерять... Почему именно сейчас?" Одновременно разбивало состояние грусти и злости на сложившиеся обстоятельства. Нужно было что-то решать, и поддавшись импульсу, я решил ехать.

На часах было ровно семь. Дневная жара спала, на улице было солнечно, тепло и безветренно. Я завёл Хонду и отправился по маршруту "цветочный — винный — Юля". По пути размышлял, застану ли я её вообще дома в воскресный вечер, а если и застану, что вообще скажу? Какие у меня козыри в пользу того, чтобы ждать какого-то проходимца три месяца? А потом? Что мог я предложить на последующий жизненный этап? Вопросов было больше, чем ответов.

Припарковавшись у её дома, я сидел в нерешительности. Теперь идея внезапного появления не казалась такой триумфальной, и хоть было куда отступать, я всё же понадеялся на благосклонность небес. Звоня в домофон уже в третью квартиру кряду, мне всё же открыли подъезд. Я специально начал с последнего этажа и представился курьером — беспроектный вариант.

И вот я стою у её двери, сердце колотится так, что вот-вот покинет грудную клетку, в горле засуха будто Сахара, а вместо мыслей — пучеглазая обезьяна лупит музыкальные тарелки. "Куда делся старый добрый похуизм и панцирь непроницаемости?"

Я позвонил в дверной звонок и отошёл в сторону от глазка. Ожидание растянулось в вечность. Шаги...

— Кто там? — спросила она недоверчивым голосом.

— Добрый вечер. Это курьер. Посылка вам... — сказал я, стараясь придать голосу другую тональность.

— Посылка? — неуверенно переспросила она.

— Да.

Ключ в замке повернулся, и дверь приоткрылась.

— Ты...?! — удивлённо произнесла Юля.

Уж кого-кого, а меня она точно не ожидала увидеть. На ней были домашние лосины и широкая белая футболка с принтом "Микки Мауса". Волосы затянуты в хвост, а лицо без малейшего следа макияжа. Но даже в таком образе — абсолютно бесподобна.

— Привет, — сказал я. — Прости, что без предупреждения. — И протянул ей букет пионов.

Юля нерешительно приняла его.

— Зачем ты приехал? Мы ведь вроде всё выяснили, — тихо произнесла она.

— Я ведь говорил — не хочу с тобой прощаться. У тебя есть планы на этот вечер?

— Планов вагон. Целый товарный состав! Что тебе нужно? — твёрдо, но спокойно ответила она.

— Мне нужна ты. Впустишь? — также спокойно сказал я, хотя внутри каждый нерв был натянут как струна, готовая располосовать сердечно-сосудистую систему в ожидании её ответа.

Она смотрела на меня в упор. За доли секунд её глаза меняли выражение: от грусти до злости, от уязвимости до гордости. В ней неистово бушевали противоречия, и, кажется, она хотела стереть последние сутки, будто их никогда не было. И снова ожидание временем в вечность... На исходе момента, когда пауза затянулась настолько, что я был готов принять поражение, она открыла дверь и на полшага отошла в сторону, давая мне возможность войти.

В коридоре я протянул Юле бутылку вина.

— Это должно было быть комплексное вручение, но честно, я растерялся.

— Да? А может, ты уже собирался уходить, а вино прихватить как парашют для смягчения своего жёсткого приземления? — с явной иронией произнесла Юля.

— Из твоих уст это звучит крайне резонно, но факт остаётся фактом: не такой уж я жмот, чтобы уносить то, что принёс.

— Ладно, ладно. Но то, что ты уже почти решил уходить, я увидела наверняка.

— Ты опять начинаешь свои психологические наблюдения, — улыбнувшись, сказал я.

— А ты опять делаешь свои психологические трюки, чтобы я стала уязвимой, — улыбаясь в ответ сказала Юля.

Я подошёл вплотную и притянул её за талию, прижимая к себе. Её руки были заняты — в одной был букет, в другой — вино. Но она не пыталась ни оттолкнуть, ни увильнуть — напротив, прижалась всем телом и прильнула своими губами к моим. В эту секунду мне казалось, что она ждала меня.

Утро было безмятежным до того момента, пока стадия пробуждения не переросла в полное пробуждение, а оно, в свою очередь, начало дирижировать оркестром скоропостижно летящих мыслей, которые, как птицы, мирно дремлющие в своей клетке, вдруг проснулись, нашли дверцу и выпорхнули сперва в комнату, а чуть позже — в открытое окно, навстречу огромному, непознанному миру.

Юля сладко спала спиной ко мне в позе эмбриона. Одна моя рука находилась под её шеей, другой я обнимал её. Пробуждаясь, я чувствовал миг абсолютного единства — как сиамские близнецы: одно тело, два сердца. Хотя и сердце было, казалось, одно на двоих.

Через щель плотных штор пробивался утренний свет, и стадия сладкого пробуждения начала плавно переходить в следующую. Я аккуратно убрал руку из-под Юлиной шеи и слегка приподнялся на локте, чтобы видеть её лицо — чтобы запомнить её такой, как сейчас. Пом-

нить завтра, послезавтра, через неделю, месяц... ровно до того момента, когда снова смогу её увидеть, как сегодня.

Я, наверное, выглядел как одержимый маньяк: с тупой улыбкой лежал и смотрел на её спящий лик почти полчаса, пока не раздался будильник. Повернувшись ко мне и не открывая глаз, она только и спросила:

— Когда ты вернёшься?

Я улыбнулся, ощущая одновременно и тревогу, и невероятную лёгкость.

Чуть запоздав, я заехал за Костей в начале десятого и позвонил, чтобы сказать, что жду его внизу. Погода стояла чудесная — начало дня, а жарило под тридцатку. На небе ни облачка, а ореол солнца был круглее, чем самые ровные круги. Выйдя из машины, я сел на капот и прикурил сигарету. Это утро триггерело чувства, как никогда. Ехать, чтобы открыть новые возможности, увидеть мир за пределами маленького, богом забытого городка... просто потому что я этого хотел. Ждал этого, как фанатик, купивший лотерейный билет и верящий, что именно его цифры окажутся выигрышными. Но теперь ситуация выглядела совершенно иначе.

Дверь подъезда открылась, и сначала показалась большая чёрная набитая спортивная сумка, следом её владелиц, потом чемодан на колёсах, который он пытая тащил за собой. Я слез с капота и открыл багажник. Костя, всё так же пытая, загрузил свои пожитки.

Следом из подъезда вышла Вика — дама сердца Кости.

— Привет, Макс. Ну как настрой? — поинтересовалась она.

Слепой и тот бы заметил, что Вика была на нервах. Она старалась вести себя непринуждённо, но зная её чуть больше, было очевидно: она пребывает в лёгкой панике. Всё обуславливалось горячим темпераментом Кости, который иной раз готов был вписаться в сумасшедшие авантюры ради прикола, и Вика это прекрасно понимала. Костя не был избалован жизнью — каждой мелочи ему приходилось добиваться потом и кровью. Маленькие провинциальные города, особенно разбитые на районы, где у каждого района своя "пацанва", где родители часто оставляли детей на волю случая... Результатом такого родительского контроля становились вскрытые подвалы, гаражи, кражи, слив топлива с автобусов и тракторов, домушничество, а то и гоп-стоп.

— Привет, Викуль. Ты ведь знаешь: могучи, кипучи и горячи, — улыбаясь, ответил я.

— Стабильность — это хорошо, Макс! Давайте там сильно не косячьте, а то знаю я вас, — с едва заметной иронией сказала Вика.

— Не волнуйся, верну тебе Костю с кейсом бабла, и не более, чем с парочкой венеричек, — пошутил я.

— Дурак! — рассмеялась Вика и обняла меня на прощанье.

— Ладно, прощайтесь, голубки. Пора выдвигаться. Давай, Викуль, не скучай. К ужину будем, — посмеялся я и сел в машину.

Карета тронулась, оставляя Вику и всех близких нам людей позади, в этой маленькой, но родной цитадели. Мы же ехали навстречу манящему горизонту.

Глава седьмая

Покидая родной город, я думал о том, что Вика с Костей прощались как родные люди, и непроизвольно вспомнил историю их знакомства — цепь событий, которая привела и меня в сегодняшний день.

История их знакомства однозначно не была из серии романтических. Первое их знакомство произошло на похоронах нашего общего друга Ваньки Платова. Вика училась с Ванькой на параллельных курсах в училище, а Костя познакомился с ним уже позже на общей работе. Тогда же познакомились и мы с Костей.

С Мариком и Ваней мы трудились ещё на заводе. Ваня был слесарем с вполне себе хорошим положением. Мои же дела на тот момент были довольно скверными — начальник производства искал способы меня уволить, вплоть до того, что подговаривал рабочий коллектив написать на меня бумагу о профессиональном несоответствии. Коллектив в этой просьбе отказал, и, естественно, он, обозлённый на отказ, продолжил искать варианты для моего увольнения, делая мою жизнь на заводе более чем «сладкой», а всё потому, что в одной ситуации я пошёл на принцип и поставил свою подпись в другой графе голосования, нежели хотел этот узурпатор производства. Тогда-то и начались репрессии в мой адрес. Но я держался стойко, так как упрямства было не занимать. Хотя с каждой неделей мне всё больше хотелось послать всё это нахер и написать бумагу «по собственному».

В одно прекрасное утро, когда я только-только уснул дома, вернувшись после ночной смены, меня разбудил телефонный звонок с неизвестного номера.

— Слушаю, — буркнул я сонным голосом в телефон.

— Привет. Извини, что разбудил. Это Ваня, ну с завода, из слесарки.

— А-а, Ванька, привет. Не ожидал. Что-то случилось?

Было довольно странно, ведь мы хоть и хорошо общались на работе, но вне работы не пересекались от слова совсем. Подтверждением было отсутствие его номера в моей телефонной книжке. Соответственно, я был немало удивлён его звонку.

— Да как сказать... Я слышал про твои проблемы, — сказал Ваня.

— Мои проблемы? — переспросил я, не до конца понимая, о чём идёт речь.

— Ну, то, что тебя шеф прессует.

— И ты уже в курсе?

— Макс, да уже давно весь завод в курсе. Знатно ты ему тогда нос утёр. Правда, он злой весь день ходил и мозги нам в слесарке сношал — отыгрывался, сука.

— Да пёс с ним, Вань. Прорвёмся, — ответил я.

— Я в общем чего звоню-то! Тема есть! Мне работу предложили и сказали, что есть два свободных места. Я сразу про тебя вспомнил. Ты ведь у нас герой месяца! Главный революционер! — подколот меня Ваня.

— Ладно-ладно, автограф дам, но фоткаться только за деньги — революция, знаешь ли, дело не дешёвое, — пошутил я в ответ.

— Так что скажешь насчёт работы? В 12 у меня встреча с тамошним начальником — давай вместе съездим? Послушаем, поговорим, а не понравится — так и ну их нахер. Ничего ведь не теряем, Макс!

Терять было уже действительно нечего, ибо я понимал, что мои спокойные дни на заводе сочтены. И я согласился.

Тот начальник мне сразу не понравился. И хоть он и говорил складно и красиво, но разило от него фальшью так, что если бы существовал прибор по распознаванию фальши,

стрелка лежала бы в красной зоне с подписью «пиздёж десятилетия». Ваня же, напротив, был сильно воодушевлён, и когда мы вышли из здания, сразу же налетел на меня:

— Ну что, Макс, соглашаемся? — с восторженными глазами смотрел на меня Ваня.

— Не знаю, Вань. По-моему мутная какая-то история... Мазута, смола, чистка ёмкостей и котельных. Тебе правда хочется во всём этом дерьме ковыряться?

— Согласен. Зато денег в два раза больше, чем на заводе. Да и что тебя там держит? Саньч тебе всё равно жизни не даст, да и повод он всё равно найдёт. Ты же знаешь — он в своей диктатуре не терпит неподчинения. А ты ему перед всеми считай хуй показал и положил прямо на него. Он тебе этого точно не простит, — воодушевлённо выпалил Ваня.

— Вань, я-то ладно. Да и Саньч пусть нахер идёт. Ты сам почему так свалить хочешь? У тебя же там всё ровно, работу свою знаешь и делаешь нормально. Претензий к тебе ни у кого нет. В чём дело-то? — спросил я.

— Да задолбало просто это всё. Надо что-то менять. Понимаешь?! — посмотрел на меня Ваня очень серьёзно и многозначительно.

В тот же день мы уволились с завода. За полтора часа сдали робу, инвентарь, рабочие пропуска. Когда мы писали заявления, Саньч пребывал в молчаливом «ахере», а я думал о том, что повторно показываю ему хуй после всех его грязных и подлых попыток меня уволить. «Нюхай бибу, узурпатор сраный!».

Увольнение мы отметили с размахом, а через несколько дней уже приступили к новой работе. Наставником к нам прикрепили парня по имени Валера. Он был чуть старше нас — на пару лет. Он поехал с нами за пару сотен километров в какую-то глушь, чтобы показать, как чистить ёмкости от мазута, а жильё нам предоставили в той же котельной.

Спустя неделю мы закончили и дальше начали гастролировать по разным городам, занимаясь этим «не самым чистым» делом.

Недели шли, а трудовые договора подписаны так и не были, и меня это прилично напрягало. Каждый раз Руслан — так называемый начальник — вешал нам очевидную порцию лапши: то в головном офисе, который находился в столице, неправильно составили договоры, то секретарша ушла в отпуск и не отправила их, то у него сломался принтер, потом что-то ещё, ещё и ещё... А спустя месяц началась такая же байда и с зарплатами.

За этот месяц мы успели скорешиться с Валерой и его компанией. Все звали его Вариком за находчивость и за то, что он мастерски находил выходы даже из самых неоднозначных ситуаций, которые, к слову, сам мастерски и создавал. В этой же компании был и Костя. На выходных то они, то я ездили друг к другу погостить, а шашлыки и вискарь на природе делали время более чем весёлым и укрепляли наши взаимоотношения. Компания у них была из отвязных пиратов, но и мы были не лыком шиты — на том и сдружились.

Когда прошло уже полтора месяца, а договоров и денег мы так и не увидели, кроме копеечных авансов, я твёрдо решил сваливать.

— Вань, хорош! Тут нечего ловить! Неужели ты сам не видишь?! Этот Руслан нам только в уши льёт, и нихера не меняется. Позвони ты, блядь, на завод! Саньч тебя точно возьмёт обратно! Хрен с этими деньгами, ты их всё равно не увидишь! — в запале пытался я донести истину до Ваньки.

— Макс, ты решил, как решил, а я ещё немного подожду. Я думаю, он всё-таки заплатит, — был непреклонен Ваня.

— Пиздец, ты баран упёртый! Не заплатит он нихера! Он и Валеру так же морозит, а Валера тут побольше нас работает. И я тебя уверяю, что и Валера скоро, очень скоро свалит отсюда!

— Я тоже скоро свалю. Только подожду ещё немного, — Ванька не сдавался.

— Да как же до тебя достучаться-то, дурак ты блядь?! — я адски злился. Злился на себя, что не могу достучаться через Ванькину броню. Злился на Ваню за его непробиваемость. Злился на всю ситуацию в целом.

— Всё хорошо будет, Макс, — сказал Ваня и улыбнулся, глядя на меня своими добрыми и искренними глазами.

Глава восьмая

С того момента, как мы виделись, прошло пару недель. Я успел устроиться в мебельную мастерскую на испытательный срок, и вроде всё шло плюс-минус неплохо.

Была суббота — выходной день. Часов в одиннадцать утра позвонил Марик и каким-то напряжённым голосом спросил, всё ли у меня в порядке. Я ответил, что в полном, на что он поведал историю: в новостях пишут о трёх парнях, которых экстренно с сильным отравлением увезли в реанимацию в столичную больницу. Эти парни якобы из фирмы по чистке ёмкостей, предположительно — из той, где мы работали.

— Марик, а где это случилось? — спросил я.

— Да вроде где-то недалеко от города Т., — ответил Марат.

— Нет, тогда точно не наши. Я вчера только созванивался с Ванькой — он сказал, что они едут в другое место, — выдохнул я с облегчением.

— Я думал, ты там работаешь.

— Нет, пару недель как ушёл из этой шараги. Всё пытаюсь Ваньку убедить уйти оттуда. Божится, что вот-вот свалит.

— Понятно. Ладно, хорошо, что это не вы. А то как-то беспокойно было. Давай, береги себя.

В течение дня мне звонили ещё несколько раз, и все спрашивали примерно одно и то же. Когда уже вечером, ближе к семи, позвонил Кеда, я сильно напрягся.

— Это точно из вашей конторы!

Эти слова крутились у меня в голове на повторе: «Это точно из вашей конторы... точно из вашей... точно!» Все другие говорили примерно то же самое, но никто не употреблял слово «точно», и я был спокоен. А это «точно из вашей» вогнало меня в ступор.

— Спасибо, Славик. Я всё выясню.

Судорожно набрал Ваньке... Гудки, гудки, гудки, мать их, гудки... Набрал Валеру — вне зоны доступа. «Сука, сука, сука!»

Набрал корешу из компании Валеры. Он снял трубку.

— Здорова, Жека. Это Макс. Узнал? — натянутым голосом спросил я.

— О-о-о, здорова, Максон! Конечно, узнал! Как ты? — «на веселе» ответил Жека.

— Я нормально, только похоже беда случилась. Валеру не найти. В новостях пишут, что троих пацанов увезли в больницу «в тяжёлом». Предположительно наших. А так как мне ни до кого из них не дозвониться — я начинаю переживать. Позвони своим, будь другом! Вдруг он просто забухал где-то, и это дурацкое совпадение.

— Не вопрос, Макс. Перезвоню.

Я снова и снова пытался дозвониться то до Ваньки, то до Валеры. Всё было безуспешно. Начал искать информацию на новостных порталах — откуда-то ведь вычитали эту новость перед тем, как начали звонить мне! Бегло перескакивая с одной новости на другую, я отчаянно искал информацию о трёх пострадавших парнях и мысленно просил Братишку сверху: пусть Жека позвонит и скажет, что Валера нашёлся — пьяный, слюнявый, дрыхнет в обнимку с какой-нибудь Клавой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.